

правления внутри этого жанра — просветительской «восточной» философской повести.

Необходимо сделать несколько оговорок: здесь будет идти речь только о печатных «восточных» повестях. Произведения этого жанра, существовавшие в рукописном виде, совершенно не исследованы, даже не учтены и поэтому пока не привлекаются для анализа. Но и печатная «восточная» повесть дает достаточно обильный материал,² позволяющий сделать ряд выводов и обобщений, имеющих значение для истории русской повести и романа.

Кроме того, в работе не всегда проводится различие между повестями оригинальными и переводными: во-первых, потому, что очень часто невозможно установить источник тех повестей, которые печатались анонимно и без каких бы то ни было пояснений; во-вторых, потому, что в XVIII веке переводились на русский язык обычно произведения, вполне соответствовавшие идеологическим воззрением переводчика и читательской аудитории, на которую он рассчитывал.

Правда, переводные повести были иногда тесно связаны с жизнью того общества, в котором они возникли. В «восточных» одеждах они нередко выводили исторических лиц и изображали конкретные события. От русского читателя эта сторона большей частью ускользала. Но оставалась актуальность общих проблем, которая была вызвана сходством общественных условий. Факты же переосмысливались применительно к русской обстановке, и это делало данные повести явлением русской литературы.

Органичность этих произведений в русской литературе доказывается и тем, что идейный и образный строй как оригинальных, так и переводных «восточных» повестей не противоречат друг другу.

Родиной «восточной» повести является Франция. Во французской литературе в конце XVII века началась борьба с канонами классицизма («спор древних с новыми»), возникли оживленные поиски сюжетов, нового литературного материала, определилось в связи с этим обращение к фольклору (сказки Перро). Интерес к восточному фольклору был вполне подготовлен.

Произведения о Востоке или с восточными сюжетами были известны во Франции уже в XVII веке. Но обширный поток их хлынул на книжные прилавки после выхода в свет в 1704—1717 года арабских сказок «1001 ночи» в переводе аббата Антуана Галлана. Эти сказки поразили читателя совершенно исключитель-

² Нами обследовано около 200 печатных «восточных» повестей, оригинальных и переводных.